

Опубликовано:

Вопросы культурологии. – 2016. – № 10. – С. 19-23.

© Лопатина Н.Л.

УДК 008:930.85

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖАНР «УСТНАЯ ИСТОРИЯ» ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Лопатина Наталия Леонидовна - кандидат культурологии, доцент

**Historical genre «oral history» for understanding the transformation of culture
in the country in the period of collectivization**

Аннотация

Автор использует исторический жанр «устная история» для понимания трансформации культуры в деревне в 20-30 гг. На основе материала углубленных интервью с очевидцами коллективизации делается попытка рассмотреть трансформацию крестьянской культуры в колхозной деревне. Ссылаясь на мнение респондентов, автор делает вывод, что из-за изменения уклада деревенской жизни традиционная праздничная культура, песенное творчество, отношение крестьян к пьянству и воровству кардинально изменились.

Abstract

The author uses the historical genre "oral history" for understanding the transformation of culture in the country in the twenties and thirties of the last century. On the basis of profound interview with the witnesses of collectivization it is made the attempt to consider the transformation of peasants' culture in the kolkhoz

village. According to the opinion of respondents, the author makes the conclusion that because of the changing of the country's mode of life the traditional culture, singing creation, the peasants' attitude to alcoholism and stealing was changed radically.

Ключевые слова: «устная история», коллективизация, культура, праздники, песня, пьянство, воровство.

Keywords: «oral history», collectivization, culture, holiday, songs, alcoholism, stealing.

Исторический научный жанр «устная история» появился в мировой исторической науке в первой половине XX в. В СССР свидетельства очевидцев не считались полноценным историческим источником. Хотя печатались мемуары знаменитых людей – полководцев, передовиков производства, ученых. Но эти воспоминания контролировала цензура. В советской исторической науке ставка делалась на документальную базу архивов. Научный жанр «устная история» был практически неизвестен отечественным историкам в советское время, в основном, не принимался в 1990-е гг. (во всяком случае, в Кузбассе). Для исследователей народного фольклора были знакомы элементы этого научного жанра. Они записывали, песни, частушки, поговорки и т.п. у местного населения разных регионов страны. Исследователи фиксировали народное творчество, но изучение динамики развития культурных трансформаций, как правило, не являлось целью их работы. Эту динамику смог выявить научный жанр «устная история». Хотя изначально в нашем случае ставились задачи изучения исторических аспектов. В 90-е гг. Кемеровский общественный научный фонд «Исторические исследования» во главе с д.и.н., профессором Лопатиным Л.Н. организовал сбор материалов по коллективизации. Целью являлось узнать, чем была политика коллективизации для крестьян. По итогам работы были опубликованы монографии [1, 2, 3]. Удалось опросить 149 респондентов 1904-1934 годов рождения. Среди них: 15 чел. родились в 1904-1910 гг.; 54 чел. – в 1911 – 1920 гг.; 72 чел. – 1921 – 1930 гг., 8 чел. – после 1931 г. Эти люди были очевидцами коллективизации в

основном в Кемеровской, отчасти Новосибирской областях и Алтайском крае, а также (в отдельных случаях) на Украине, Урале и других регионах страны [2].

Уникальность материала, собранного в жанре «устная история» невероятна для историка. Респонденты дают возможность специалисту погрузиться в историческую эпоху. Эмоциональность респондентов способствует этому. Но, таким же, уникальным материалом явились рассказы очевидцев коллективизации для понимания социокультурных процессов в советской деревне. Респонденты продемонстрировали динамику трансформации культуры: праздничной, песенной, аксиологических ориентиров крестьян. Особенно примечательно, что часть респондентов помнила еще досоветскую деревню. Поэтому они могли сравнить жизненный уровень и культуру разных эпох. В статье приведены типичные высказывания, отражающие общее мнение респондентов. Возможно, для части читателей они покажутся весьма необычными.

Праздники. Все респонденты с большой охотой вспоминали доколхозные праздники. Они рассказывали, как по праздникам гуляли всей деревней, пели песни, ходили из дома в дом, как шумно и весело было. Бывшие колхозники отметили, что из-за тяжелой жизни в колхозах пропали традиционные праздники. «Праздники гуляли весело, всей деревней. ... Но это до колхозов гуляли. А когда колхоз пошел, так некогда стало веселиться. Колхозы пришли – праздники ушли» [2. С. 91]. «До коллективизации жили весело. Гуляли свадьбы, строили дома, жили в достатке» [2. С. 105].

Уход праздников сами респонденты связывали с тяжелым материальным положением, непосильным почти бесплатным трудом от зари до зари, запретом на религию. «Все время работа, работа, работа и вспомнить нечего! ... Не дай, Бог, такой жизни никому!» [2. С. 357]. «Работали много. Но – ни обуться, ни одеться» [2. С. 157]. Все отметили, что за невыход на работу судили. «Судили и за то, что кто-то на работу не выходил» [2. С. 78].

За свой самоотверженный труд колхозники почти ничего не получали. Они говорили, что работали за «палочки». «Голод был. В колхозе работали за

палочки, то есть, за трудодни. ...После уборочной всё сдадут государству, а колхозникам ничего не доставалось» [2. С. 61]. «Бывало, отработаешь неделю, идешь получать, а получать-то нечего» [2. С. 168]. «Получали за работу всего один раз в год. Год прошел, а получать нечего!» [2. С. 78]. Такая оплата труда колхозникам отразилась в частушечном творчестве: «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал: „Рабочим хлеба не давай, а денег не показывай!“» [2. С. 169]. «Колхознички-канареечки, проработал год без копейки» [2. С. 78].

Респонденты вспоминали, что, несмотря на запрет власти праздновать религиозные праздники, они все-таки пытались их отмечать дома тайно. И даже такое празднование могло стать причиной репрессий. Ни о каком праздновании всей деревней или улицей уже и речи не было [2. С. 172]. «Всей деревней праздновали Рождество, Масленку, Пасху ...Но это было до колхозов. Гуляли, пока Советская власть не запретила. Кончились наши праздники» [2. С. 121].

В таком праздновании отсутствовал традиционный народный размах. Поэтому праздники потеряли свою обрядовость, утратились детали, передаваемые из поколения в поколение, за которыми стоял глубокий социокультурный, духовный смысл. Уже к началу 50-х годов, как с тоской отмечали респонденты, пришло время, когда обрядовые детали праздников стало некому передавать (молодежь воспитана в атеизме), да и негде, потому что массовость праздников исчезла. Так прервалась связь времен и поколений. По словам респондентов, вместе со всеми праздниками ушла и свадьба. Сами они объясняли это голодом, непосильным трудом, низким материальным уровнем. Словом «сошлись» большинство обозначили таинство создания семьи. «Что Вы, какая свадьба? Жрать нечего было! ...Мы сошлись и – все!» [2. С. 130]. Многие отметили, что почти не дружили до свадьбы. «Из-за работы нам даже некогда было дружить с парнями. У нас не принято было делать подарки друг другу при ухаживании. ... Нищие мы были! Нищие» [2. С. 355]. Респонденты отмечали, что свадьбы возобновились в 50-гг., но, по их словам, это уже были совсем другие свадьбы, которые сводились к столу и выпивке. Не было в них народных традиций. Таким образом, ушёл целый пласт

национальной культуры. С незапамятных времен свадьбу *играли*. Сложная структура свадебного ритуала формировалась на основе традиций, была одним из наиболее устойчивых компонентов традиционно-бытовой культуры.

Песни. С особой теплотой респонденты рассказывали о песнях. Все вспоминали, что пели всегда. «Во время работы пели песни, а почему так было, не знаю. ... Взрослые поют, и мы, дети подтягиваем» [2. С. 180]. Многие отметили преемственность песенного творчества от старших поколений. При этом сознались, что при них во время колхозов песня как неотъемлемый атрибут жизни стала уходить. «Работали почему-то с песнями, ... Это еще со старых обычаев осталось. ... От отцов нашим отцам такое досталось. Но куда-то оно делось при нас постепенно...» [2. С. 355]. «Пели, наверное, потому, что это родители в нас вложили. Старые традиции соблюдали. ... Истребили в нас традиции предков!» [2. С. 352]. «Действительно... мы часто пели. Так было ещё стариками заведено» [2. С. 168]. Уход песенной культуры сами респонденты объясняли новым образом жизни: голод, непосильный труд, репрессии, страх, запрет на религию и праздники. Рассказы респондентов о повседневной коллективной песне подтверждают исследования песенного творчества современными специалистами [4. С. 15]. Народная песня отражает культурное и экономическое состояние общества. Исполнение песен требует не только вокальных данных, но душевных и физических сил. Поэтому материальные лишения крестьян не способствовали развитию песенной культуры. Веками песенное творчество селян рождалось на основе свободного труда. Колхозный труд, по словам респондентов, был принудительным и не способствовал народному творчеству.

Многие с удовольствием вспоминали частушечное творчество. По их рассказам видно, что удалые частушечники до колхозов были в каждой деревне. Считалось, что частушка заслуженно высмеивала негативные стороны жизни и людей. Поэтому старались частушечнику «на язык» не попадаться. Говорили, что частушка воспитывала. Но при советской власти стало невозможно петь частушки. «На деревенских вечерках бывали частушки про

власть с солеными словами. ...Только потом эти певцы куда-то исчезали. Постепенно такие частушки слышались все реже и реже» [2. С. 78].

Пьянство. Рассказывая о жизни и праздниках, респонденты единодушно говорили о том, что у них не было пьянства, хотя по праздникам выпивали. «В царских деревнях пьяниц не было. Пить – грех! Мы это знали все» [2. С. 109]. Рассказывали, что к пьяницам в доколхозной деревне относились с большим презрением. А при колхозной жизни отношение к пьяницам изменилось. «Теперь уже к непьющему стали относиться с осторожностью» [2. С. 249]. Их рассказы подтверждают слова этнографа XIX в. Энгельгардта А.Н. об отсутствии пьянства в царской России [5. С. 69-71].

По мнению респондентов, пьянство спровоцировано падением нравственности из-за нового уклада жизни с практически бесплатным тяжелым трудом и запретом на религию. «Работали очень много, а результата никакого. Кругом воровали, друг за другом следили, народ голодал. Боялись из-за воров из дома выходить. ... Даже «справные» мужики от такой жизни запили горькую» [2. С. 97]. «Мужики в колхозах часто стали пить» [2. С. 167]. «Это после разгрома деревни стали пить. Но пили не с радости [...], а с горя» [2. С. 182]. Отсутствие праздников так же способствовало пьянству. Поскольку, со слов рассказчиков, раньше на праздниках можно было «отвести душу» после работы: попеть песни, поплясать, поиграть, показать свою удаль и т.п.

Воровство. Все отметили, что в доколхозной деревне не воровали. Респонденты считают, что с приходом колхозов они обнищали. Все помнят довоенный голод в колхозах и работу «за палочки». По мнению бывших колхозников, у них всё отбирало государство. Поэтому, что бы выжить, им приходилось подворовывать у государства, но не у соседей. При этом воровством колхозники это не считали, поскольку считали, что забирали своё же. «Чтобы выжить люди, конечно, стали растаскивать колхозное добро. И воровством это среди простых тружеников не считалось. А ведь до колхозов мы в деревне не знали, что такое воровство» [2. С. 183]. «А чтобы покормить свою скотину, приходилось ночью воровать. ...Вот тогда и воры появились, и

дома стали запирают, хоть и воровать уже было нечего. До колхозов такого не было. У людей совесть была» [2. С. 328] Глубокий социокультурный смысл в словах Васильевой В.П., которая увидела преемственность ментальных установок поколений и причины современного воровства в том, что в её время было «хоть работай, хоть не работай, все равно добра не наживешь» [2. С. 354].

Очевидно, что для поколения 20-30-х воровство в колхозах было способом выживания, а у следующего поколения сформировалось понимание как необходимое условие безбедного существования. На фоне запрета на религию и борьбы с национальными традициями это дало разрушающие результаты, что имеет последствия в современном российском обществе.

Таким образом, научный жанр «устная история» даёт возможность проследить динамику трансформации культуры в советской деревне. Углубленные интервью с очевидцами коллективизации свидетельствуют о падении праздничной культуры, песенного творчества, нравственных норм. По мнению бывших колхозников, культура и сами люди изменились. Они связывают это с запретом на религию, с падением жизненного уровня в колхозе, с новым укладом крестьянской жизни из-за колхозной организации труда и быта. «До коллективизации деревня была другой. Вернее другими были люди. Они друг другу помогали, как могли, доверяли» [2. С. 103.] Крестьяне признавали, что при них деревня переживала крутой перелом: ломались вековые устои, навыки, привычки, вся психология, весь строй мысли крестьянина – единоличника [2. С. 48]. И эта борьба привела к тому, что обычаи предков перестали уважать, почитать традиции. А с ними ушла традиционная крестьянская жизнь вместе с праздниками, песнями, нравственными устоями. За два поколения было утрачено многовековое наследие. Мощнейшая культурная трансформация произошла не эволюционно, а революционно. Причиной тому было построение нового общества с новым образом жизни и организацией труда крестьян в период коллективизации.

Убеждена, что словами наших респондентов говорит народная мудрость. Их, казалось бы, субъективное восприятие действительности создают

полноценную картину реальности. Можно не соглашаться с их свидетельствами, поскольку мы (не жившие в коллективизацию) не имеем представления о том времени. Но с уважением следует отнестись к их рассказам, эмоциям, переживаниям. Именно поколение этих людей пережило все ужасы и лишения XX века.

Список литературы и источников

1. *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М.: ООО «Новый фактор», 2003. – 103 с.
2. *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание. (Очевидцы и документы свидетельствуют). – Кемерово: Аксиома, 2009. – 446 с.
3. *Лопатина Н.Л.* Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). – Кемерово: КузГТУ, 2005. – 137 с.
4. Русские: семейный и общественный быт. Ред. Громыко, М.М., Листова Т.А. М.: Наука, 1989. – 336 с.
5. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1872-1887. М.: Мысль, 1987. – 634 с.

